

DOI: 10.15643/libartrus-2016.4.3

Спор о Спинозе в горизонте властных отношений

© А. М. Толстенко

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет
Россия, 190005 г. Санкт-Петербург, ул. 2-я Красноармейская, 4.

Email: dasein2014@mail.com

В статье рассмотрен вопрос о судьбе идейного наследия Спинозы в советской России в 20–30-е годы прошлого века. Автором предпринята попытка метафизически рассмотреть данную проблему, т.е. проследить, каким историко-филозофским ценностным ориентациям была подчинена критика советских идеологов и пропагандистов. После 1917 г. в связи с пропагандой безбожия создается новый образ Спинозы как борца против религии. В горизонте властных отношений сталинские идеологи (Луначарский и др.) руководствовались своей особой «политической экономией» истины: Красной нитью всех рассуждений советских марксистов о Спинозе выступило требование идейного разоблачения и срывания масок с прежних философов, которые якобы не смогли из-за исторически ограниченного культурно-политического уровня своего класса надлежащим образом воспринять философское наследие великого голландца. На самом деле в споре о Спинозе происходило столкновение не по поводу «того, что есть на самом деле». Скорее, наоборот, имела место ожесточенная схватка относительно «статуса» и «режима» истины.

Ключевые слова: власть, идеология, метафизика, советский марксизм, Спиноза, спинозизм.

После того, как в 1670 г. появился «Богословско-политический трактат», за Спинозой закрепились репутация безбожника и атеиста. В 1675 г. в Амстердаме недоброжелатели распространили слух, что философ готовит к публикации книгу, в которой доказывает, что Бога не существует. По этому поводу Спиноза писал Ольденбургу: «...распространился слух, что я уже печатаю какую-то книгу о Боге и что в этой книге я пытаюсь доказать, что никакого Бога не существует. Слух этот был многими принят с доверием» [1, т. 2, с. 621].

Новый образ Спинозы и пропаганда безбожия

В XVII столетии властные отношения утверждались через свободное предпринимательство, создававшее свое социально-экономическое пространство. Именно в этот период наряду с фундаментальными техническими открытиями приводилась в действие принципиально новая технология власти, позволявшая социально облачать человеческую «флору и фауну» в горизонте полезности и законности. В 1678 г. посмертные сочинения мыслителя были запрещены.

Образ Спинозы-атеиста соответствовал намерениям советских марксистов, по указанию Сталина осуществлявших задачу формирования дисциплинированного и управляемого «социального тела», радикального перераспределения человеческого ресурса в свете пролетарского социального проекта, связанного с абсолютным самоутверждением воли победившего класса. Более всего было важно установить в качестве исходной позиции культ безбожия и таким образом сформировать новую априорную восприимчивость, т.е. установить такую расположенность по отношению к миру прежних, якобы неподлинных, ценностей, чтобы преодолеть их окончательным образом.

Вот один примечательный факт. В журнале «Безбожник» за 1923 г. вышла передовица Н. Бухарина, одного из «красных» вождей Коминтерна, призывавшего устроить диктатуру Советов на небесах по своей жестокости сродни той, которая уже была реализована на земле. Теоретик, которого мы знаем как исследователя серьезных экономических проблем, предлагал следующий оксюморон, призывавший к праведному суду над бессмертными: «Международные боги... еще очень сильны... Так дальше жить нельзя! Пора добраться и до небесных корон, взять на учет кое-что на небе. Для этого нужно прежде всего начать с выпуска противобожественных прокламаций, с этого начинается великая революция. Правда, у богов есть своя армия и даже, говорят, полиция: архистратиги разные, Георгии Победоносцы и прочие георгиевские кавалеры. В аду у них настоящий военно-полевой суд, охранка и застенки. Но чего же нам-то бояться? Не видали мы, что ли, этаких зверей и у нас на земле? Так вот, товарищи, мы предъявляем наши требования: отмена самодержавия на небесах; ...выселение богов из храмов и перевод в подвалы (злостных – в концентрационные лагеря); передача главных богов, как виновников всех несчастий, суду пролетарского ревтрибунала» [2, с. 1–2].

В таком же парадоксальном духе советский идеолог и «гауляйтер» антирелигиозной политики Е. Ярославский (Губельман) в центральной партийной газете «Правда» разъяснял, что крестьянин, который не хочет в колхоз, является мелким буржуа, и для него как контрреволюционного элемента последним местом, где можно было найти спасение от коллективизации, «остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полтора миллионным активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, еще не попавшая в Соловки, еще притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле» [3]. Крокодиловы слезы главного безбожника были запоздалой реакцией на уже осуществленную приватизацию этой самой религиозной организации!

Если верно, что человек проектирует возможности своего собственного бытия и окружающего его мира, то, говоря о коммунистических идеологах, следует подчеркнуть, что их критическое отношение к «старому» миру было обусловлено предварительным его уничтожением. Другими словами, они сначала упраздняли «то, что есть», а затем осознавали для себя как масштаб произошедшей ликвидации всего старого, так и программу дальнейшей зачистки. Но никак не наоборот (скажем, было бы догматизмом считать население дореволюционной России суеверным только потому, что оно было обмануто попами, придумавшими религию в своих корыстных интересах). Мало сказать о революционном самоутверждении в ту эпоху, о захвате власти или о «красном» терроре, который, без всякого сомнения, предопределил конечную победу советского режима. Негативная свобода революционного времени явилась, при все возрастающем дистанцировании общественного сознания в отношении мира, результатом многолетнего радикального бытования, или практики, в которой откристаллизовалась определенная рефлексивность о будущей свободе от законов. Говоря словами Ф. Ницше, смело полагали в противовес «более сильной воле, воле к незнанию, к неверному, к ложному», что «абсолютно нет законов и каждая власть в каждое мгновение выводит свое последнее заключение» [4, т. 2, с. 258]. Для революционной свободы вывод, если Бога и «религиозного аппарата» не существует, тогда все позволено, вполне естественен, так как предполагает не только нарушение любых фундаментальных законов, какими бы они ни были, но даже устранение государства как такового, как аппарата насилия управляющих над управляемыми. Это время, когда следует «действовать само на себя, действовать быстро, непосредственно,

без правил, с драматической неотложностью и необходимостью...» И так, не правление в связи с законностью, а государственный интерес в связи с необходимостью» [5, с. 343, 345].

В результате массовой пропаганды безбожия в 1929 г. в стране уже было более 1 млн. одних только юных безбожников. К 1932 г. планировалось довести их число до 10 млн. Такова была сущность Советской власти, призванной социально облачать и наделять непрощенную «массу» ее новыми правами, гражданскими и социально-экономическими функциями в режиме революционного «беспредела»: проповедовать одно, а делать другое; обещать, но не выполнять; казаться добродетельным, но не быть им; не просить, но приказывать; внушать страх, но не любовь [6, с. 84–85].

Модификация образа Спинозы в борца против религии

Преобразование прежних властных отношений требовало (впрочем, требует всегда) революционного насилия. Новая технология осуществления власти во время Сталина потребовала от идеологов превратить Спинозу в борца против религии. Одним из первых к процессу «революционного» освоения наследия Спинозы подключился А. Луначарский. В своей книге он указывает на главных врагов голландского философа – попов с их «звериной злобой», обращавшихся с бессмертным мыслителем, «как с дохлой собакой» [7, с. 1]. Хотя Спиноза, если рассматривать его марксистском контексте предстает «идеологом своего класса», т.е. буржуазии, однако, как учил большевиков Сталин, не это должно быть главным; важнее всего обосновать, что «он – наш идеологический предок».

Свою задачу Луначарский видит в том, чтобы сделать ясными интересы и потребности рабочего класса в отношении мирозерцания одного из «светочей» новейшей европейской мысли. «В Спинозе нет ни малейшей доли поповства или монашества»; «с предельной ясностью Спиноза сознавал, что буржуазия принесла с собой новый мир новую культуру», для него, как критикующего Библию, «все – природа, общество, личное поведение – должно было стать светским и рациональным»; «в груди Спинозы кипел мужественный и последовательный пыл демократа». «Это – борец за разум» [7, с. 1].

Стиль Луначарского таков потому, что истина в условиях диктатуры пролетариата и в контексте сталинской технологии организации власти подлежит критическому усвоению¹.

---

¹ Здесь стоит сказать о «временности» человеческой мысли, которая представляет собой непрекращающееся стремление знать то, что мы уже знаем, не отдавая себе в этом отчета. «Временной» смысл имеет также истина, которая открывалась человеку с точки зрения той или иной метафизической позиции. Скажем, для древних греков истина была «открытостью» бытия всего сущего (☉☽●⚙️❖◻️⌘☾). Отцы церкви и средневековые «доктора» говорили об истине как библейской праведности (veritas) в смысле Откровения. Затем, по мнению картезианцев, к которым относили и Спинозу, церковная истина должна уступить место достоверности как согласованию наших высказываний самим вещам. Но что же тогда является истиной для нас – современных людей? В политико-экономической реальности буржуазного мира, а затем в условиях диктатуры пролетариата и сталинской технологии организации власти истина – это то, что подлежит критическому усвоению. Другими словами, должно быть развернуто для разнообразных форм контроля. Не только образовывать, но и постоянно поддерживать пространство контролируемого режима производства истины – такова задача советского интеллектуала, обслуживающего господствующие властные отношения. Тем самым практически ориентированный «красный» разум, наделенный изначальным стремлением к получению определенных результатов, является основанием не только буржуазной культуры, но и скрытой предпосылкой подходов, связанных с освоением жизненного мира и подчинением человека коммуникативной повседневной практике в Советской России. Повсюду распоряжение истинным и неистинным, полноправный приговор властей относительно всякой роли всякого заблуждения и кажимости и порождения кажимости ради поддержания и наращивания одной только власти зависят единственно от воли к власти. Подспудно и постепенно в лучших умах (Бахтин, Кожев и др.) возникало непреодолимое желание понять возникший

Она должна быть развернута для разнообразных форм контроля. Не только образовывать, но и постоянно поддерживать пространство контролируемого режима производства истины – такова задача советского критика, обслуживающего господствующие властные отношения. Луначарский подчеркивает, что нельзя, следуя текстам Плеханова [9, т. 3, с. 124–196] и Деборина [10, с. 41–89], «принять Спинозу безоговорочно в свой пантеон и объявить его марксистом, а Маркса – спинозианцем». Дело в том, что «вреднейшей для самого Спинозы чертой была пантеистическая терминология, в которую Спиноза облек свое материалистическое учение». Как пантеизм (*deus sive natura*) как «вреднейшая» форма допущения «нового» бога, так и интеллектуальная любовь к Богу (*amor dei intellectualis*), – все это должно быть отброшено как «феодальный хлам» [7, с. 5]... В остатке – чувство любви к бытию (под ним нужно обязательно понимать материю), поскольку его можно иногда обнаружить в философских тетрадах Ленина. Мало сказать Спиноза – натуралист. Он – материалист! Общество не поймет нас, если мы скажем, что Спиноза – фаталист. Он – решительный поборник свободы, борец за счастье человека и демократию! Этот «гениальный и последовательный идеолог молодой буржуазии» стремится к общественному идеалу, который выходит далеко за пределы его классового сознания [7, с. 6]. У него мы находим «будущностное» мышление.

Луначарский нахваливает Лессинга за смелость в борьбе с немецкими попами, с воодушевлением говорит о язычестве и спинозизме Гете, называет разновидностью спинозизма философию Шеллинга, наконец, упрекает Гегеля за то, что материализм, «столь очевидно доминирующий в системе Спинозы», превратил в дух, в идею. В целом картина неутешительна: буржуазные ученые или настойчиво добиваются истолковать Спинозу как «свободомыслящего», или без стыда готовы увидеть в нем правоверного попа. Стало быть, истинным наследником великих мыслителей и художников является не буржуазия, а пролетариат [7, с. 8]...

Речь идет о том, что в 30-е годы советские идеологи руководствовались своей особой «политической экономией» истины. Другими словами, познание и производство знания в политико-экономической реальности Советской России подвергались по сути дела непрерывному воздействию со стороны тех или иных властей имущих партийных группировок. Несомненно одно: после захвата власти Лениным, а затем Сталиным требование экономической эффективности и действенности политической власти непрерывно функционирует во всем социальном «теле» советского общества. Вот почему красной нитью всех рассуждений Луначарского о Спинозе выступает требование идейного разоблачения и срывания масок с прежних философов, которые не смогли якобы из-за исторически ограниченного культурно-политического уровня своего класса надлежащим образом воспринять философское наследие великого голландца. Поэтому «пролетариату приходится очистить Спинозу» от «уродливых» интерпретаций прежних и настоящих буржуазных мыслителей, высветить «гримасы дряхлой буржуазной мысли» [7, с. 8]...

советский мир и его жителей – «жителей подземелья за работой». «Все время думаю о том, – признается А. Белинков, известный критик советской интеллигенции, – что есть что-то неправильное, ошибочное в том, как мы живем, как пишем. Вы понимаете, наша жизнь полна трудностей, забот, волнений, даже радостей (впрочем, не будем преувеличивать), одним словом, всего, что бывает во всякой жизни, а мы, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться, садимся за письменный стол и пишем что-то, никакого отношения к тому, чем живем, не имеющее. ...все написанное не имеет, простите меня, ну, никакого отношения ко всему тому, что так важно. Вы не представляете, как все это меня бесит» [8, с. 25–26].

Вопрос о разоблачительной критике, о срывании масок, о мести вовсе не является сугубо психологическим или моральным. Он относится к онтологии сознания, к господствующему в пролетарской России способу образования идей как таковых, призванных выражать так называемые жизненные интересы не только глобального и геополитического мышления, но и привязанного к нему обыденного рассудка, который в повседневной стихии жизни всегда готов стать безрассудным. Критика становится подозрительной, но в то же время все знающей. Вот, что о критике, порождающей мстительное мышление, говорил Ницше: «*Дух мщениа: друзья мои, он был до сих пор лучшей мыслью людей; и где было страдание, там всегда должно было быть наказание. "Наказание" – именно так называет само себя мщение: с помощью лживого слова оно притворяется чистой совестью*» [11, т. 2, с. 101]. Мстительность становится способом критики и продуцированием «оригинальных идей». «Нет пастуха, одно лишь стадо! – восклицает Ницше. – Каждый желает равенства, все равны: кто чувствует иначе, тот добровольно идет в сумасшедший дом. „Прежде весь мир был сумасшедший“, – говорят самые умные из них, и моргают». И далее: «„Счастье найдено нами“, – говорят последние люди, и моргают» [11, с. 12]. Ранее Ницше говорит о последнем человеке на пути к сверхчеловеку: «Смотрите! Я показываю вам *последнего человека*. „Что такое любовь? Что такое творение? Устремление? Что такое звезда?“ – так вопрошает последний человек и моргает» [11, с. 11].

Ницше говорит, что в его время началось господство «последнего человека». Важно отметить, что это вовсе не значит наступление последнего предела и окончания современной эпохи, в которой господствует мстительное мышление. В лице «последнего человека» оно выражается в непрестанном моргании, прищуре и подмигивании. «Последний человек» с «подмигивающим» мышлением будет еще весьма долго властвовать. «Земля стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий все маленьким. Его род неистребим, как земляная блоха; последний человек живет дольше всех» [11, с. 12]. Когда знание имеет характер силы, когда информация обретает значимость одной из самых важных ценностей в Советской России, через подмигивание и прищуривание мстительно-завистливая мысль воспринимает все бытийно-сущее так, чтобы непременно его объективировать в стремлении подчинять и господствовать. В этой ситуации истина производится, распространяется и сохраняется под контролем политико-экономических институтов.

Образ Спинозы в горизонте властных отношений

У Луначарского есть своя «политика» относительно того, что истинно и что ложно. Режим истины, функционирующий в пролетарском обществе, он принимает как свой собственный, ибо понимает – правда несовместима с призванием быть свободным мыслителем, неким свободным духом. Да и какой смысл ставить вопрос о чем-то подлинном самом по себе, если ничего подобного в принципе не может быть, так как бытийность всего сущего раскрывается сталинским интеллектуалам только в горизонте властных отношений.

Речь идет о том, что советские идеологи руководствовались своей особой «политической экономией» истины. Другими словами, познание и производство знания в политико-экономической реальности Советской России подвергались по сути дела непрерывному воздействию со стороны тех или иных властей имущих партийных группировок. Несомненно одно: после захвата власти Лениным, а затем культа Сталина требование экономической эффективности и действенности политической власти непрерывно функционирует во всем социальном «теле» советского общества.

Вот почему красной нитью всех рассуждений Луначарского о Спинозе выступает требование идейного разоблачения и срывания масок с прежних философов, которые не смогли из-за исторически ограниченного культурно-политического уровня своего класса надлежащим образом воспринять философское наследие великого голландца. Поэтому пролетариату следует очистить Спинозу от «уродливых» интерпретаций прежних и настоящих буржуазных мыслителей, высветить «гримасы дряхлой буржуазной мысли». В этом случае Луначарский интеллеktуал притязает быть представителем универсального сознания, занимающим непререкаемую позицию, заранее знающим «субстанцию» народной воли, т. е. пролетариата.

Луначарский-критик компетентно объясняет демократизм Спинозы, ссылаясь даже на забавный факт. Поскольку некто Мазаньелло был вождем одного из самых значительных народных восстаний того времени, Спиноза решил изобразить себя на портрете в костюме этого неаполитанского рыбака (порядочные люди считали его «исчадием дьявола»). Казалось бы в этой истории нет ничего примечательного. Ну подумаешь, мало ли кто в какой костюм наряжался. Скажем, при императрице Елизавете Петровне на маскарадах мужчины должны были танцевать в женских кринолиновых юбках, а дамы – в мужских нарядах. Но для советского марксиста процедура оценки этого события заранее подчинена властному санкционированию. Режим производства истины диктует ему понимание явлений только через взаимную связь между политикой и экономикой. Спиноза не может случайно нарисовать себя в крестьянском костюме, этот факт должен быть объяснен в горизонте политико-экономических закономерностей: примерив на себя костюм Мазаньелло, великий голландец дал знать потомкам, что он был на стороне угнетенных [7, с. 5]!

Не стало исключением из такого рода «действенного» подхода предисловие критика Г. Тымянского, специализировавшегося в исследовании философских источников марксизма [12, с. 11–93]. С его точки зрения, отождествление спинозизма и марксизма недопустимо, поскольку идеи Спинозы имеют созерцательный, а не активный, как у Маркса, характер. С позиций революционной теории пролетариата нужно решительно отбросить попытки «механистов» и «меньшинствующих идеалистов», а также их идейного вдохновителя Плеханова принизить философское значение марксизма. Чтобы отстоять и тем самым понять Спинозу, защитить его от попыток буржуазии превратить в «мыслителя, упоенного богом», Тымянский выдвигает на первый план теорию классово́й борьбы. Ибо и «буржуазия выдвигала в его философии те стороны, которые были ей выгодны и нужны» [12, с. 22].

В заинтересованность буржуазии относительно идей Спинозы советские марксисты действительно верили. К 1934 году было опубликовано довольно внушительное количество статей и книг на эту тему. Вот некоторые из них: В. Чучмарев [13], Г. Исаков [14, с. 13–23], И. Вайнштейн [15, с. 91–105], В. Вандек и В. Тимоско [16, с. 128–159]. По мнению С. Мареева, «метафизика» споров о Спинозе способствовала лишь забвению того, о чем спорили критики [17, с. 187, 189].

Таким образом, значимость особой «экономии», направленной на производство истины в ее сугубо информационном измерении, свидетельствует только об одном: в споре о Спинозе происходило столкновение не по поводу «того, что есть на самом деле». Скорее, наоборот, имела место ожесточенная схватка относительно «статуса» и «режима» истины. Вспомним, что сам Маркс обосновывал свое понимание практики известной теорией, в которой понятие производства истолковывалось как производство человеком самого себя в его сущностной, т. е. социально-деятельной природе. Объяснению мира противопоставлялось его действительное

изменение. Тем самым не только для Маркса и его последователей, но и для сталинских идеологов само мышление выступило действенным средством изменения мира. В результате оно уже при Ленине и Сталине утратило дух великодушия, а в дальнейшем было просто не способно критически понимать что бы то ни было.

Литература

1. Спиноза Б. Письмо 19 (68). Спиноза Ольденбургу [сентябрь 1675 г.] // *Избранные произведения: В 2 т.* М.: Госполитиздат, **1957**.
2. Бухарин Н. На борьбу с международными богами // *Безбожник*. **1923**. №1.
3. Ярославский Е. Социалистическое соревнование и антирелигиозная пропаганда // *Правда*. 1 мая 1929 г.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Прелюдия к философии будущего // *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, **1990**.
5. Фуко М. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, **2011**.
6. Макиавелли Н. Государь // *Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве*. М.: Мысль, **1996**.
7. Луначарский А. В. *Барух Спиноза и буржуазия*. М.: Журнально-газетное объединение, **1933**.
8. Белинков А. *Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша*. М.: Культура, **1997**.
9. Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма // *Избранные философские произведения: В 5 т.* М.: Госполитиздат, **1957**.
10. Деборин А. М. Мировоззрение Спинозы // *Очерки по истории материализма XVII–XVIII вв.: От Фрэнсиса Бэкона до Дени Дидро*. М.: Либроком, **2012**.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого // *Сочинения: В 2 т.* М.: Мысль, **1990**.
12. Тымянский Г. С. Теория познания Спинозы // Б. Спиноза. *Трактат об усовершенствовании разума*. М.: Соцэкгиз, **1934**.
13. Чучмарев В. И. *Материализм Спинозы: К переоценке идеалистической традиции*. М., Московский Рабочий, **1927**.
14. Исаков Г. К вопросу о «теологическом привеске» в учении Б. Спинозы (Спиноза и теология) // *Антирелигиозник*. **1932**. №11–12.
15. Вайнштейн И. Я. Спиноза в освещении буржуазной философии // *Вестник Коммунистической Академии*. **1932**. №11–12.
16. Вандек В. Г., Тимоско В. И. Критика оценки механистами и меньшевистствующими идеалистами философии Спинозы // *Под знаменем марксизма*. **1932**. №1–2.
17. Мареев С. Спиноза в советской философии // *Логос*. **2007**. №2 (59).

Поступила в редакцию 12.07.2016 г.

После доработки – 19.08.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.4.3

Controversy about Spinoza in the range of power relations

© A. M. Tolstenko

*St Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering
4 Vtoraja Krasnoarmeiskaia St., 190005 St. Petersburg, Russia.*

Email: dasein2014@mail.com

In the article the question of Spinoza's ideological heritage fate in Soviet Russia in the 20–30-ies of the last century has been reviewed. The author has attempted to examine this problem in terms of metaphysical outlook, i.e., to indicate by what of the historical and philosophical value orientations the criticism of Soviet ideologists and propagandists has been guided. After 1917 during the company against the religion, a new image of anti-religious Spinoza was created, the question of being and authentic meaning of life were moved out of sight. The consequence was that the Soviet ideologists become guided by special "political economy" of truth. In other words, knowledge and knowledge production in the political and economic reality of Soviet Russia were subjected to permanent exposure from the power of party groups. That is why the requirement for realize desired acts of ideological disclosure and tearing the masks from former philosophers, who could not properly accept the philosophical legacy of the great Dutchman (because of the historically limited cultural and political level of its class) become the common thread of all the arguments of Soviet Marxists about Spinoza. Therefore, the proletarian ideologies have "to clean" Spinoza from the "ugly" interpretations of the past and the present bourgeois thinkers, to highlight the grimaces of "decrepit" bourgeois thought.

Keywords: *Spinoza, atheism, truth, metaphysical outlook, the will-to-power, revenge, blinking.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Tolstenko A. M. Controversy about Spinoza in the range of power relations // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 4. Pp. 367–375.

References

1. Spinoza B. Pis'mo 19 (68). Spinoza Ol'denburgu [sentyabr' 1675 g.]. *Izbrannye proizvedeniya: V 2 t.* Moscow: Gospolitizdat, 1957.
2. Bukharin N. *Bezbozhnik*. 1923. No. 1.
3. Yaroslavskii E. *Pravda*. 1 maya 1929 g.
4. Nietzsche F. *Sochineniya: V 2 t.* Moscow: Mysl', 1990.
5. Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lektsii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, territory, population. Lectures at Collège de France 1977-1978]*. Saint Petersburg: Nauka, 2011.
6. Makiavelli N. Gosudar'. *Gosudar'. Rassuzhdeniya o pervoi dekade Tita Liviya. O voennom iskusstve*. Moscow: Mysl', 1996.
7. Lunacharskii A. V. *Barukh Spinoza i burzhuaziya [Baruch Spinoza and the bourgeoisie]*. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1933.
8. Belinkov A. *Sdacha i gibel' sovet-skogo intelligenta: Yuri Olesha [The surrender and death of the Soviet intellectual: Yuri Olesha]*. Moscow: Kul'tura, 1997.
9. Plekhanov G. V. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 5 t.* Moscow: Gospolitizdat, 1957.
10. Deborin A. M. *Ocherki po istorii materializma XVII–XVIII vv.: Ot Frensisia Bekona do Deni Didro*. Moscow: Librokom, 2012.

11. Nietzsche F. *Sochineniya: V 2 t.* Moscow: Mysl', **1990**.
12. Тымьянский Г. С. В. Спиноза. *Traktat ob usovershenstvovanii razuma.* Moscow: Sotsekgiz, **1934**.
13. Chuchmarev V. I. *Materializm Spinozy: K pereotsenke idealisticheskoi traditsii [The materialism of Spinoza: To the reassessment of the idealistic tradition].* М., Moskovskii Rabochii, **1927**.
14. Isakov G. *Antireligioznik.* **1932**. No. 11–12.
15. Vainshtein I. Ya. *Vestnik Kommunisticheskoi Akademii.* **1932**. No. 11–12.
16. Vandek V. G., Timosko V. I. *Pod znamenem marksizma.* **1932**. No. 1–2.
17. Mareev S. *Logos.* **2007**. No. 2 (59).

Received 12.07.2016.

Revised 19.08.2016.